

Борис АЛЕКСЕЕВ

Любви первущаяся нить

СОВРЕМЕННАЯ
ПРОЗА

Современная проза (Четыре Четверти)

Борис Алексеев

Любви нервущаяся нить

«Четыре четверти»

2026

УДК 821.161.1(476)-3
ББК 84(4Бей=Рус)6-44

Алексеев Б.

Любви нервущаяся нить / Б. Алексеев — «Четыре четверти»,
2026 — (Современная проза (Четыре Четверти))

ISBN 978-985-581-828-2

Любовь, проникающая за решетки Владимирского централа, и любовь, воскресающая из глубин Атлантики, одинаково велика и прекрасна. Читатель станет свидетелем отчаянной сцены: на сорокаминутном свидании в застенках тюрьмы художник Венедикт делает предложение Младе — девушке, сломленной жестоким прошлым. А следом вместе с безработным испанцем Огюстом отправится в опасное путешествие сквозь десятилетия, чтобы испытать судьбу на мистической яхте Viejo dueno. Романы «Иконописец» и «Владелец времени» исторически и сюжетно далеки друг от друга, но их объединяет главная идея: расстояние и разлука не властны над любовью. Как еще в XIX веке писал Перси Биши Шелли, истинная любовь отличается от золота и глины тем, что она не становится меньше, будучи разделенной. И две небольшие истории, завершающие книгу, подтверждают: для настоящего чувства нет преград.

УДК 821.161.1(476)-3
ББК 84(4Бей=Рус)6-44

ISBN 978-985-581-828-2

© Алексеев Б., 2026
© Четыре четверти, 2026

Содержание

Иконописец. Голубая перепись лет	6
Глава 1. Как теннисный мячик в руках обстоятельств	6
Альтер эго	6
Юность на авось	6
Глава 2. Включаем голову!	9
Родзянко и «необъяснимое равновесие»	9
Видение неопита	10
Глава 3. Ошибки и прозрения	12
Фуга	12
Луч надежды	12
Дорожный разговор	14
Владимирские Черемушки	15
Арест	16
Глава 4. Сквозь тюремное окошко	19
Не замерзни, голубок!	19
Колька Брунов	19
Письмо Венедикта	20
Вечерний гость	21
Вот так детективчик!	23
Логово	25
Плюс Полинка	26
Тетя Клава	28
Глава 5. Любовь, зачем ты мучаешь меня?	29
Ответное письмо Млады	29
И вновь Владимирский централ...	30
Вечером накануне	31
У стен централа	32
На сон грядущий...	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Борис Алексеев

Любви нервущаяся нить

© Алексеев Б. А., 2026

© Анцух Л. Ф., составление серии, 2024

© ОДО «Издательство “Четыре четверти”», 2026

Иконописец. Голубая перепись лет

Роман

Глава 1. Как теннисный мячик в руках обстоятельств

Альтер эго

– Ну что, приятель, хана чистописанию? – хмыкнул Венедикт Аристов, разглядывая в зеркале интеллигентного, небрежно одетого мужчину лет тридцати.

– Отчего ж хана? – ухмыльнулся в ответ зазеркальный визави. – Хана – это строительный котлован для твоего будущего многоэтажного Анаха. Прими житейский раздрай как насильственный обморок ума перед очередным марш-броском в вечность!

– Мудрено говоришь. Может, лучше сойти с ума и посвятить остаток лет натуральной биологии?

– Э-э нет, батенька! – рассмеялось отражение. – Нам велено жить с умом! Есть такая обязанность перед человечеством.

– Обязанность? – Венедикт усмехнулся. – Нет у меня никаких обязанностей. Дарвин прав: все в мире – лишь способ выживания!

– Н-да, – возмутилось отражение, – хорош иконописец! Дарвин, может, и прав. Но, надеюсь, ты понимаешь, что разумное начало не конструируется из биологических процедур?

– Это еще почему? – Венедикту вдруг захотелось позлить собеседника. – Гусеница сворачивается в кокон, из которого вылетает... бабочка. Может, и с интеллектом происходит то же самое – рождается чудесным образом из накопившегося количества бессознательного? И человеку ничего не остается, как придумать Бога, чтобы хоть как-то объяснить преобразование материи в мысль?

Зазеркальный Аристов не различил в словах Венедикта подвоха. Отражения не владеют диалектикой и не способны обнаружить движение мысли.

– Наш спор не имеет смысла, – ответил Зазер, – мы смотрим в одну сторону, но с противоположных точек зрения.

– Это как? – Венедикт замер.

– А так. Ты готовишься к подъему на вершину, с которой я уже спустился. Значит, у тебя вершина впереди, а у меня – позади! Это понятно?

Диалог Аристовых прервал звонок в дверь.

– Иду-иду! – Венедикт первым поспешил в прихожую.

Выходя из комнаты, он оглянулся и с улыбкой заметил, что зазеркальный визави оглядывается и улыбается ему навстречу. Припомнился Гераклит, созерцающий гармонию мира в единстве противоположностей. «Будет о чем поговорить!» – одновременно подумали собеседники, расходясь по половинкам Гераклитова единства.

Юность на авось

Немного истории. По окончании московской математической школы № 2 семнадцатилетний Аристов – «алгебраический мачо», как прозвали Венедикта в классе, – поступил в престижный Инженерно-физический институт (МИФИ). В отличие от большинства абитуриентов, вступительные экзамены сдал шутя, но не обошлось без курьеза. На экзамене по физике, отве-

чая на вопрос: «Назовите параметры среды, при которых происходит молекулярная конденсация влаги» (иными словами, когда выпадает роса?), Венедикт, рискуя получить пару, улыбнулся и простодушно брякнул: «Утречком!» Экзаменатор замер, сдвинул брови и внимательно посмотрел на юного наглеца. Чутье педагога различило в наивной улыбке бесстрашного абитуриента многие испытания будущих лет. Физик потупился в бумаги и задал вопрос вне школьной программы. Венедикт ответил. Экзаменатор, в свою очередь, улыбнулся, поставил в ведомость «отлично» и отпустил юношу со словами: «Молодой человек, будете гулять по росе, не застудите голову!»

Обучение в институте не принесло Венедикту удовлетворения. Много из того, что преподавалось, он знал со школы и к концу второго курса запустил учебу совершенно. Про такого в народе говорят: «Паял-лудил и ум нудил о том и этом понемногу». Наступил первый в его биографии период размытых смыслов. Однако Аристов и тут нашел экстравагантный выход: бросил институт, объявил матери: «Хочу знать, что ничего не знаю, а там поглядим!» – и отправился служить в армию.

Увы, армейская служба также не задалась. Из сборного пункта колонну призывников посадили в поезд Москва – Симферополь и отправили в далекие крымские степи. Зелень распахали по полкам плацкарта, объявили отбой, и наступила ночь. Под утро Веню разбудил нечеловеческий рык. Рычал новобранец. Бедняга метался между полками и разбрызгивал повсюду окровавленные сгустки пены. «Е-мое, эпилептик... – промычал сквозь зубы громила-сержант. – Че пялитесь, а ну, навалились!» Сержант и два ближайших новобранца прижали несчастного к полу, уворачиваясь от брызг пенистой кровянки, которую непрерывно извергали уста припадочного. «Вы ж парня убьете!» – крикнул кто-то из-за спин. Эпилептик и вправду сдавленно захрипел, обмяк телом и закатил глаза. «Врача! За врачом во второй вагон, живо!» – заорал сержант ефрейтору из сопровождения. Тот, работая локтями, стал продираться в сторону тамбура.

«Веселенько...» – вздохнул Веня, глядя на происходящее с третьей, верхней полки плацкарта, отведенной ему за выдающийся рост и громоздкое телосложение. «Вене... дит Аристов, ну и имя, ешкин корень, язык сломаешь, – щерился старшина-контрактник, распределяя бри тоголовую зелень по ярусам плацкартных лежаков, – учись, Венебдит, брать высоту, в бою пригодится!»

* * *

Бывают в жизни особые ситуации, о которых можно рассказывать долго, но так и не рассказать. Если женщина станет объяснять любимому мужчине, что такое роды, в конце рассказа она обязательно поймет, что ничего так и не смогла растолковать этому пушистому белому марсианину. Человек, побывавший в лагерях ГУЛАГа, в тюрьме или, на худой конец, в армии, обречен остаться непонятым теми, кто этого лично не испытал. Конечно, армия в сравнении с тюрьмой – сущий курорт. Вот только курорт ли? Глубина воды меньше, но соприкосновение со смертельной опасностью то же – дышать невозможно на любой глубине.

Вот краткий послужной список военнослужащего Аристова.

По окончании Симферопольской школы сержантов курсанту Аристову, единственному из пятисот выпускников учебки, за «беспримерное» неуставное поведение отказали в присвоении звания «младший сержант» и удостоили оскорбительно-почетного прозвища «ефрейтор» (старший солдат). Одним словом, плюнули на погоны.

В воинской части, где Веня служил по окончании школы сержантов, командир полка лично сорвал с него лычки и вернул бойцу Аристову послужную девственную невинность. В приказе по части было записано: «За дисциплинарную и политическую (!) халатность, проявленную при исполнении священного воинского долга».

«На свободу с чистой совестью!» – троекратно прокричал дембель Венедикт, выходя стриженным под елочку с чемоданом за порог КПП. «Ах, как непатриотично!» – скажет иной читатель. Не будем поспешны в оценках друг друга. Схожие обстоятельства одним – манна небесная, другим – град с куриное яйцо.

Глава 2. Включаем голову!

Родзянко и «необъяснимое равновесие»

В подклете старой московской церкви, среди глиняных гидрозамков и стен, сложенных на известковом растворе, бывший алгебраический мачо, а ныне стенописец Венедикт трапезничал с товарищем школьных лет.

«Стенописец? – удивится сквозь помутневшее от времени зеркало персональный Зазер бывшего мачо. – А как же карьера ученого, МИФИ и все такое?..» Хороший вопрос! Окончить с отличием одну из лучших – реально МИФИческую! – научных школ и добровольно оставить ученый олимп? Сменить вельветовый костюм и рубашку с галстуком на перепачканную в краске робу художника – это как? А вот так. Судьбы наши писаны не нами. Чтобы понять смысл житейских перемен, надо подняться с ученого олимпа на высоту прожитой жизни.

...Пахло сырым гидратом окиси кальция и меловой, еще не просохшей побелкой подсобных помещений. Собеседники расположились за импровизированным столом, собранным из ящика и небольшого куска толстой фанеры. Роль скатерти выполнял разворот московской газеты. Заголовок передовицы «Государственная дума сообщает» томился под горкой наваленных в беспорядке бутербродов. Над трапезным великолепием высилась початая бутылка водки «Белуга».

Товарища звали Юрием, вернее, Юлием Владимировичем Родзянко. Никакого отношения к знаменитому однофамильцу он не имел, но магия исторического имени, как невидимый и требовательный камертон, настраивала общение друзей на неспешный рассудительный лад. Обоим собеседникам было немногим за тридцать. Лет десять назад их разговор пестрил бы курьезами да небылицами, но к тридцати годам болтушки изнашиваются и уступают место степенным монологам о прожитом и пережитом.

Несмотря на разницу в характерах, Венедикта и Юрия связывала давняя дружба. Аристов, вдохновенный романтик, с азартом экзаменуя собственную судьбу на выдержку и прочность, и Родзянко, пугливый расчетливый педант, наперед всякого действия размышляющий о надобности оногo. Их знакомство произошло случайно. Как-то, возвращаясь из школы, Веня увидел толпу ребят, обступивших какого-то паренька. Назревал самосуд. «Храбрый портняжка» бросился на помощь. Орудуя локтями и портфелем, раздвинул судилище и встал рядом с будущей жертвой.

– Ты че? – попер на него рыжий пацан, видимо, заводила.

Рывкнув на рыжего: «А ну, пусти!», Веня сгреб паренька в охапку и вывел из окружения. Уже в безопасном месте Юра (так звали спасенного мальчугана), подрагивая от страха, спросил:

– Почему они отпустили нас?

– Не знаю. Испугались, наверное.

Веня действительно не знал, по какой причине эта вызывающая дерзость сошла ему с рук, зато понял: в патовой ситуации наилучшее решение – иррациональное.

* * *

Венедикт рос и с упоением слушал Высоцкого. «Без умолку безумная девица...» – ревел старенький «Айдас», утверждая право человека на знание предстоящих событий. В один из вечеров Веня спросил маму:

– Ма, ты слышала что-нибудь о библейских пророках? – спросил он.

Мать задумалась.

– Не знаю. Есть у нас одна старая книжка...

Галина Георгиевна ушла в чулан и вскоре вынесла рассыпающийся фолиант с потертой обложкой и пожелтевшими, во многих местах надорванными страницами.

– Это осталось от бабы Зины. Полистай, может, тут.

Венедикт раскрыл обложку и на титульном листе, украшенном витиеватым орнаментом, прочитал: «БИБЛИЯ. Издано Синодальной типографией города Санкт-Петербурга. Год 1898».

«Вот она какая!..» Юноша листал страницы, и чужое слово «Библия» постепенно обрело смысл реального предмета, в котором заключался ответ на вопрос: «Как можно увидеть будущее?» Разглядывая затейливые буквы и каллиграфические украшения, Венедикт ощутил влечение к особенностям древнерусского правописания. Ему захотелось подковырнуть ногтем паутинку строчных закорючек и узнать, что скрывается под матрицей древнего письма.

Прочитать с ходу незнакомую гарнитуру не получилось. Потребовались часы кропотливых догадок и сопоставлений, прежде чем Библия приоткрыла страждущему неопиту смысл своих пророческих строф. В упоении чувств Венедикт разбирал страницу за страницей, не замечая ни времени, ни того, как взволнованно стучит его сердце, и библейские события, невероятные с точки зрения здравого смысла, воспринимал с доверием и радостью. «Это же очевидно! Ангел не мог не прийти на помощь!» – восклицал он, радуясь заступничеству архангела Михаила за Ананию, Азарию и Мисаила, трех невинно осужденных отроков, брошенных царем Навуходоносором в огненную печь.

Мать дивилась податливости сына к религиозным, как она считала, небылицам. Сдвиг интересов сына в сторону «воздушных замков и иллюзий» настораживал добрую женщину. «Труден путь верующего человека в мирских потемках», – не раз слышала она от Зинаиды Павловны, матери мужа. Слышала она и про печальную судьбу христианских мучеников. А какая мать пожелает телесного унижения возлюбленному чаду? Разве что София...

Видение неопита

После похорон Галины Георгиевны друзья не встречались долгие три года. Разлука пришлась на конец восьмидесятых, время сложное, скользкое. Уже дышали в спину пагубные девяностые, уже искрились то тут, то там первые социальные беспределы. В то же время жизнь Венедикта наполнилась множеством мажорных событий. Библия бабы Зины распахнула перед ним путь в церковное искусство. Вертикали храмовых стен возносили дух художника к подпружным сводам и требовали: «Пиши, брат, пространство Бога ждет твои мысли!»

В отличие от товарища Юра Родзянко жил неприметно. Работал в ЖЭКе электромонтером, место не денежное, но с возможностями: вкрутит лампочку одинокой бабушке, поговорит с ней часок о том о сем, глядишь, частная копеечка к государственному рублику и прибавится.

– Вот скажи, Вень, – Юра разлил остаток водки и ладонью расправил завернувшийся край газеты, – ты, гляжу, к попам в услужение подался. Оно че, теплее тут?

– Не форси, – улыбнулся Венедикт.

– Нет, правда! Объясни, что ты нашел в этом поповском муравейнике?

Вместо ответа Венедикт встал и подошел к висящему на стене церковному календарю с изображением иконы «Благовещение Пресвятой Богородицы» древнего письма.

– Скажи: куда сходятся линии перспективы?

Юра вразвалочку подошел к стене, стал водить пальцем в продолжение архитектурных построений и вдруг хмыкнул:

– Не понял. Они сходятся прямо в меня!

– Верно, – подтвердил Венедикт, – все линии на этой иконе сходятся в тебя, точнее, в твое сердце.

– Ну, выпили чуток, бывает, – хмыкнул Родзянко, продолжая разглядывать «Благовещение».

Он обернулся к товарищу.

– А как тебе такое? Уплыли мы с тобой в море далеко-далеко. Я на веслах, ты правишь. Я говорю: «Нас сносит в течение!» «Это теплый Гольфстрим, – отвечаешь ты, – если не потеряем курс, все будет хорошо». «Мы вернемся?» – спрашиваю. «Зачем? – улыбаешься ты. – Жизнь слишком коротка, чтобы возвращаться! Помнишь, у Шпаликова:

*По несчастью или к счастью, истина проста:
Никогда не возвращайся в прежние места.*

Вдруг выныривает огромная рыба, глотает лодку вместе с нами и уходит на глубину. Я цепляюсь за лоскуты твоей одежды, чтобы не провалиться в глубокую, как колодец, трахею чудища. А ты перехватываешь мою руку и спокойно говоришь: «Не надо бояться, Юра». Так мы висим неопределенно долго. Вдруг все ускоряется. Нас бросает из стороны в сторону. Отверзается пасть, и, жмурясь от снопа жгучего солнечного света, мы с тобой падаем на песок...

– Вот так Иона!¹ – воскликнул Венедикт, глаза его загорелись. – Говори, что было дальше. Это невероятно!

– Да, собственно, все, – смущенно ответил Родзянко. – Мы лежим, вдыхаем запах йодистого отлива, а вокруг нас толпятся какие-то люди и поют: «Кери» или «Кири»...

– «Кири»?! – Веня схватил уголь и, обернувшись к стене, прямо по белой штукатурке размашисто написал *Kyrie eleison*². – Так пели?

В старших классах Юра увлекался лингвистикой, учил греческий, пробовал латынь. Он понял товарища.

– Так! Откуда ты знаешь?

– Как не знать! Твой рассказ – история удивительная. Началась она в Ветхом Завете, а закончилась, судя по твоим словам, в наши дни. Как говорили на Руси, экая куролесица из твоего *Kyrie eleison* вышла!

– Не понял.

– Не беда! – широко улыбнулся Венедикт. – Господь отметил тебя особым знаком. Он же тебе все и растолкует.

¹ Иона – библейский пророк, пробывший три дня во чреве китовом.

² *Kyrie eleison* (лат.) – «Господи, помилуй». Краткая форма Иисусовой молитвы.

Глава 3. Ошибки и прозрения

Фуга

– Юр, – в трубке шевельнулся хрипловатый голос, – узнаешь?

– В-вень... Ты?!

– Я, дружище, – Венедикт будто выдохнул.

– Ты где, что? Или нет, когда и где? – рассмеялся Юра, настраиваясь на дружеский разговор после многолетнего взаимного молчания.

– Я в тюрьме, Юр. Дали позвонить. Не делай круглые глаза, так повернулась жизнь. Жизнь, она везде. Разница в расходных материалах.

Юра сменил тон разговора.

– Я могу тебя увидеть?

– Да, раз в месяц нам положены свидания. Вот я и подумал: ты единственный человек, который имеет ко мне хоть какое-то отношение...

– Ничего себе, хоть какое-то! – перебил Юра.

– Не бузи, у меня мало времени. Решай: приедешь – порадуешь, нет – судить не буду, суды человеческие вот уже где...

Венедикт продиктовал адрес исправительной колонии и сообщил, что через два дня в распорядке значится день свиданий и передач. Затем поспешно попрощался и завершил звонок. Юра долго не сходил с места и не клал трубку. «Как так?.. – в его голове пружинил ворох воспоминаний. – Дружище, ты же был моим талисманом! Абсолютный Номос, человек-людэн, сталкер...»

Юрию было что вспомнить. По разным причинам друзья не виделись семь лет. За это время многое изменилось в жизни электромонтера Родзянко. Давняя встреча с иконой в подклете храма оказалась пророческой. Хитрые «поповские крючочки» подцепили-таки его сердце!

В тот вечер он никак не мог добраться до дома. Дорожки, по которым вела его февральская поземка, почему-то не сходились туда, где его ждали теплая постель и холодильник с пивом, но странным образом разбегались, будто шарахались друг от друга. «Прям как в иконе!» – хохотал Юра, скользя по тротуару очередного переулка. Только через два часа, уставший, спящий на ходу и с обмороженным носом (февраль – не лето!), он добрался до дома. Переступив порог, потерял сознание и рухнул на пол.

В третьем часу ночи пришел в себя, вышел на балкон и всей грудью вдохнул черный морозный воздух. Посмотрел на звезды. Галактическая россыпь почудилась светящейся паутиной, нити которой, подобно линиям обратной перспективы, сходились в область его грудной клетки. Юрий изменил положение тела, но паутина, как матрица, преобразованная загадочным оператором, повторила его движение. Он улыбнулся, припомнив золотистый отблеск иконы.

– Как она хороша!..

Луч надежды

Все смешалось в голове электромонтера Родзянко. Благая весть преследовала его повсюду. На святую Богородицу, изображенную на иконе, оказались похожи все женщины, которых Юра встречал по пути на работу. «Богородицы», обвешенные сумками, оборачивались, смотрели ему вслед и говорили: «Храни тебя Бог!» Какой-то старец, одетый в голубой хитон и плащ цвета желтой греческой охры, остановил Юрия возле диспетчерской, обнял за

плечи и сказал: «Наш Бог – Слово. Пиши, брат Юрий. В твоих безыскусных творениях нуждается мир». Сказал и пропал.

Рядом курили сослуживцы. Юра спросил: «Видели желтого старика?» «Не-е, – ответили они, – не видели. Тебя видели. Ты, блин, обернулся, будто забыл че, потом вроде оклемался, нашел, значит. Вот и все».

– Наваждение! – со страхом подумал Юра. – Так скоро, пожалуй, и...

Кризис сознания набирал обороты. Родзянко стал воспринимать окружающие предметы как ряд осмысленных речевых конструкций. Например, по поводу интерьера собственной комнаты: платяного шкафа, напольного зеркала и висящих над столом книжных полок – ему слышалось следующее: «В зеркале шкаф платяной отразился. Книжные полки, покрытые пылью, молча хранят потускневшее время...»

Прошла неделя. В понедельник Юрий явился в диспетчерскую, но переодеваться не спешил.

– Тебе что, особое приглашение? – спросила Надежда, дежурный техник-смотритель.

– Надь, тут такое дело, – смущаясь, заговорил Родзянко, – короче, увольняюсь я.

– Офонарел, родной? – рассмеялась Надя. – А жить на что собираешься? Ты ж гол как сокол. Шутишь или заколбасило по шейку?

– Заколбасило, Надь, – Юра потупил глаза.

С Надежды слетела бабья игривость. Она переспросила:

– Ты серьезно?

– Да, Надюш, серьезней не бывает. Хочу стать другим. Если спросишь кем – не скажу, сам не знаю. Время покажет.

– Ой, Юрка, – нараспев заговорила Надя, – боязно мне за тебя, беспокойно.

– Надь, похлопчи, чтоб без отработки отпустили. Поверь, дни наперечет стали.

– Ладно, поговорю, – ответила Надежда, – а сегодня-то как?

– Да я уж с Савельичем созвонился. Подменит меня с обеда. А до обеда ты прикроешь.

– А ты что ж?

– А я помолюсь, чтоб нигде не коротнуло!

– Че, не поняла я?

– Не спрашивай, Надь! Сам не знаю, что говорю.

Через три дня Юлий Владимирович получил расчет и отправился покупать на выходные деньги компьютер.

* * *

Задумал Юра ни много ни мало написать повесть о том, как линии прямой житейской перспективы вдруг изменили свои направления на обратные. И оттого случилось непредвиденное обстоятельство – пространство жизни вывернулось наизнанку. Все стало наоборот: богатство – нищетой, правда жизни – ложью, орденá – браным послужным списком. Непривычно людям, страшновато, одно лишь радует: прежняя жизнь смертью заканчивалась, а нынешняя – спасением, дверью в огромное нечто. Не сон ли? Две жизни – до и после смерти – тянутся друг к другу, а смерть видит такое дело, страшится и отступает. Оттого планета Земля обретает значение райского сада, где каждый может лично встретить Бога...

Не имея денег покупать нужные книги, Юра зачастил в библиотеки. Отыскать в фондах советских книгохранилищ церковную литературу не было никакой возможности. Зато в текстах по истории христианства и художественных альбомах внимательный читатель мог найти ответ на любой вопрос духовного и религиозно-эстетического содержания. Юрий вчитывался в монографии о блистательных иконописцах: Феофане Греке, Панселине, Рублеве, Дионисии – и с упоением листал альбомы по византийской и древнерусской живописи. И почти на

каждой странице обратная перспектива вонзала в него дивные стрелы своих пространственных построений.

«Эх, был бы рядом Веня! – сокрушался Юрий. – Плечо мое житейское...» Через месяц после памятной встречи в подклете церкви Венедикт завершил роспись и укатил за границу, а еще через неделю Юра уволился с работы и с головой ушел в «обратную перспективу», так он именовал приключившуюся с ним метаморфозу.

Черный хлеб, чай четвертой заварки, яблоки, макароны и дешевая колбаса стали творческой диетой графомана Родзянко. С компьютером произошла осечка. Офисная техника только-только начинала входить в обиход россиян. Фирмачи держали цены согласно спросу. А спрос был. Купить новинку оказалось не по карману. Пришлось в комиссионке присмотреть недорогую пишущую машинку.

* * *

Прошло два месяца. Недоедая, недосыпая, отказывая себе во всем, Юра закончил рукопись. Долго вычитывал текст, правил, переписывал и наконец, одолев страхи и неловкость, отправился в издательский отдел Московской патриархии. В главном кабинете выстоял право оставить рукопись.

– Ваше Высокопреосвященство, когда благословите зайти за текстом? – спросил он, заранее вызубрив параграф церковного этикета.

– Думаю, через неделю, – ответил сановный собеседник, вставая из-за стола и недвусмысленно намекая на окончание разговора.

Однако повторный визит Юрия в коридоры издательского отдела случился раньше. Через два дня раздался телефонный звонок.

– Юлий Владимирович? Здравствуйте. Владыка Питирим благословил пригласить вас для заключения договора на издание книги. Текст вашей повести одобрен и рекомендован в план будущего года. Вот телефон ответственного секретаря. Просьба не откладывая созвониться. Храни вас Господь. Всего доброго.

Голос в трубке затих. С минуту Юра стоял, врастая в случившееся. Затем рухнул на диван и с криком «Виват, Родзянко – экс-электроватт!» раскинул по подушкам руки. А потом горько и «беспричинно» заплакал.

Дорожный разговор

Венедикт закончил роспись Воскресенского храма в Марокко, потрудился в Испании, аккуратно «через речку», как он в шутку называл Средиземное море, и вернулся к работе в России. Всякий раз, возвращаясь в Москву, чтобы отметить или переоформить визу, он первым делом звонил Юре, но почему-то не заставал дома. Пару раз писал. Не получив ответа, плюнул и решил: «Захочет, сам объявится». Так прошло четыре года.

Закончив зарубежные труды, Аристов вернулся в Россию. «Уфф, нагулялся! – объявил он зеркальному визави. – Отныне Дом Божий рисую только дома!» Заключил договор на роспись Ильинского храма в городе Россошь, сел в поезд и покатил в Воронежскую область – чем не испанская степь!

В Липецке в купе к Венедикту подсел парень лет двадцати. Попутчик представился: Антоний Горячев, студент, активист, агитатор за справедливую жизнь.

– За справедливую – это хорошо! – усмехнулся Веня, нарезая на купейном столике походную снедь.

– А то! – надул грудь Антоний. – У нас не шайка задвинутых, мы организация!

Он затараторил быстро и слаженно.

– Мы даже зарегистрированы как некоммерческая молодежная движуха «Я – тысяча-тысяча первый». Маркер!

– Круто, даже маргинально! – отшутился Веня.

– Именно, дядя!

Слово «дядя» неприятно подрезало слух Венедикта.

– У нас программа! – не унимался Антоний. – Если честно, я ее в глаза не видел. Но знаю, писали классные чуваки, в общем, программа что надо.

– Программа – большое дело! – одобрительно кивнул Венедикт.

– Молодой человек, а каковы основные цели вашей программы? – вступил в разговор третий пассажир купе, мужчина средних лет. – Простите, не представился. Доцент кафедры истории Гризли Исаак Омарович.

Парень ухмыльнулся.

– Главная цель нашей программы – справедливость! Мы считаем...

– Да-а? – Гризли изобразил на лице любопытство. – О какой такой справедливости, позвольте узнать, идет речь в вашей программе? Ведь она разная. У феодала своя справедливость, у раба или крепостного – своя. Даже советский принцип распределения материальных благ говорит нам: «От каждого по способностям, каждому по труду», – то есть, очевидно, неодинаково. Так как же?

Мужчина задал явно не самый простой вопрос. Антоша растерялся, но быстро пришел в себя и небрежно ответил:

– А так. Никто никому не завидует, потому что все имеют полное довольство. Вот такая наша позиция!

– Замечательно! – Исаак Омарович захлопал в ладоши. – Я ваш союзник! А что скажет наш молчаливый собеседник, – он обратился к Венедикту, – например, о...

И Гризли повел разговор о скрытых рычагах управления человеческим поведением, о формировании агрессивных мотиваций и многом другом, о чем в России прилюдно говорить не принято. Но что не скажешь под перестук колес! Позже Веня узнал, что Исаак Омарович Гризли – никакой не Исаак Омарович и даже не Гризли, а обыкновенный стукач-информатор, рассеянный в толпу в поисках негатива. Что же касается Антония, его роль в биографии Венедикта оказалась, увы, гораздо более значительной. Однако обо всем по порядку.

Владимирские Черемушки

На следующий день после телефонного разговора Юра набил походный рюкзак и отправился во Владимир. Часа через три в раздумьях о случившемся сошел с поезда и сел в автобус.

– Мне в тюрьму, – он обратился к водителю.

– Это ж в какую? – ощерился тот. – Не в Центральную ль?

– Да-да, в самую Центральную.

– Централ, стало быть... – Мужик покачал головой. – Можно и в Централ, но до порожка тюремного волынить не проси. Нету на то моей волюшки сызнова со смертью боковаться.

– Что, отец, довелось хлебнуть лиха?

Заместо ответа мужик буркнул недружелюбно:

– Неча тут. Сказал – и будя.

Автобус тронулся. Юра подсел к окну и стал разглядывать унылый владимирский посад. Минут через сорок автобус остановился, и мужик прохрипел по селектору:

– Посидел, а теперя слазь и глянь, как другие сидят!

Юра сошел на растрескавшийся от жары асфальт и направился к комплексу высоких кирпичных зданий. «Н-да, – мрачнел он, приближаясь к тоскливому нагромождению тюремных казематов, – воистину владимирские Черемушки».

Сделав заявку на свидание, расположился на лавке в небольшой комнате для посетителей. Старые обшарпанные стены, ржавый, в разводах, потолок, на подоконнике – горшок с разросшимся столетником. «Арестантское алоэ, – Юра припомнил, – род суккулентных подсемейства асфо... или... нет, забыл, забыл окончательно!»

Вошел сержант:

– Вы гражданин Юлий Владимирович Родзянко?

– Да, – ответил Юра, вставая.

– Пойдемте.

Они вышли из комнаты и направились по длинному узкому коридору. Сержант шел впереди молча, не поворачивая головы. «Разводят, как баранов», – подумал Юрий. Через несколько минут они вошли в ярко освещенное помещение, разделенное высокой стеклянной перегородкой. Юра сразу увидел Венедикта. Его друг сидел, ссутулившись, по ту сторону стекла. Слева и справа от перегородки стояли небольшие телефонные аппараты старого образца.

– Веня! – Юра бросился к трубке.

– Не положено, – раздался монотонный голос откуда-то из дальнего угла помещения, – разговор следует вести спокойно.

«Ну, сволочи!» – у Юры непроизвольно брызнули из глаз слезы. Глядя на него, Венедикт еще больше нахохлился и попытался улыбнуться.

– Как хорошо, что ты пришел, – сказал он тихо, – мне в утешенье!

– Веня, радость моя, что стряслось? – заговорил Юра, наваливаясь всем телом на телефонную трубку.

– Да я и сам не понимаю, – ответил Венедикт.

– Веня, ты же!.. – Юра гаркнул в трубку.

Тотчас послышалось:

– Прекратить! Иначе я буду вынужден закончить свидание.

– Что прекратить?! – не сдержался Юра.

– Свидание закончено. Рубаев, заключенного Аристова в камеру, – из тени выступила маленькая, почти карликовая фигурка офицера. – Сержант, проводите посетителя на выход.

Юра понял, что переступил черту, за которую нельзя было заступать. Наверняка Веня хотел сказать ему что-то важное, а теперь что?..

Опустив голову и спотыкаясь на ровном бетонированном полу, он побрел вслед за сержантом к выходу. Когда они прошли караулы и оказались на улице, Юра подошел вплотную к провожатому и спросил:

– Скажи, как мне увидеться с другом еще раз?

Сержант зыркнул по сторонам.

– Подай прошение и припиши, что все осознал и раскаиваешься. Они это любят. А там как решит Бог.

При слове «Бог» он сделал шаг в сторону и добавил:

– Тут случается невозможное.

Арест

Юра пустил в ход писательское красноречие и добился повторного свидания. Со второй попытки Венедикту удалось пересказать товарищу предысторию обвинительного заключения.

Случилось вот что. Вскоре после разговора в поезде Венедикт получил от Антония письмо. В небольшом убористом тексте юноша молил о помощи российским гражданам, страдающим от несправедливости местных чинуш. Дважды перечитав письмо, Венедикт задумался. Его не смутила просьба Антония прислать деньги («Сколько можете! Каждая ваша

копейка – это спасенная человеческая жизнь!»). «Ну конечно, – размышлял доверчивый боготписец, – без денег что сделаешь». Ему не показалась странной и приписка в конце письма о том, что через две недели в Москву должна приехать группа верных товарищей. Остановиться им в незнакомом городе негде, как только у гостеприимного Венедикта. «Понятное дело, – соглашался великодушный адресат, – меня не убудет, а общему делу – польза!»

Так и случилось. Через две недели Венедикт тепло принял шестерых верных товарищей, нагрянувших в его однокомнатную квартиру с какими-то рыночными баулами, и с того дня стал координировать свои действия, исходя из нужд этой благородной и несколько странной организации.

Товарищам нужны были деньги, много денег. Дело спасения тысяч обездоленных россиян требовало от каждого волонтера высочайшего напряжения сил по пополнению «партийной» казны. Трудились ударно. Поутру, распахнув холодильник, товарищи завтракали чем Бог послал и исчезали до вечера. К ночи возвращались угрюмые и хмельные.

В один из дней, наблюдая их помятые физиономии, синяки и кровоподтеки, Венедикт спросил бригадира группы Протаса:

– Я могу быть полезен?

Тот сплюнул на паркет и ответил:

– Катись отсюда. Понял, хозяин?

Ответ Протаса не смутил Венедикта. Он не осознал всей мерзости прозвучавших слов, но соотнес услышанное с упрощенным этикетом ратников-народовольцев.

* * *

Пошла вторая неделя пребывания верных товарищей в квартире Венедикта. Утром в четверг парни куда-то особенно тщательно собирались. Протас подошел к Венедикту и примирительно хмыкнул: «Слышь, бугай (за полторы недели он так и не запомнил имя хозяина), нужда в тебе есть, подь с нами нынче». Венедикт сверкнул глазами – настал час его личного подвига! – но...

Автор не упомянул, что одним из шести «народовольцев» была девушка по имени Млада. Она-то тайком от товарищей и подала знак Венедикту: «Не соглашайся!» О том, почему герой доверился тайному сообщению девушки и отказался от предложения Протаса, узнаем позже.

Шесть верных товарищей брали инкассаторскую машину. Не вышло. Борцов за права угнетенных россиян отконвоировали в автозак и сбросили в ближайший спецприемник. Началась монотонная следственная работа. Через два дня на Петровку был вызван Венедикт. В отличие от товарищей, подавленных случившимся, он повел себя независимо – этакий Робеспьер! – и даже пару раз ответил хамством на хамство, чтоб знали. В интересах следствия Венедикт был задержан, дело завертелось. «Этого простака раскрутить по полной», – скользнула негласная директивка. И хотя прямых улик в отношении Венедикта не было, участь иконописца была решена. Всплыл разговор в поезде. «Да как смеет этот богомаз кипишиться! – орал главный следак на утренней планерке. – Вздернуть на червонец негодяя!» И вздернули. Судья, потупив глаза, огласил приговор: «Шесть лет исправительной колонии общего режима».

* * *

– Веня, милый мой друг! – лепетал Юра. Слезы жгли глаза, мешали говорить. – А как же апелляция? Ты подавал апелляцию?

– Не подавал. Нет смысла, – поморщился Венедикт, – половину я отсидел. Конечно, геморрой приличный, ну да отсижу свое. Может, умней стану, если вообще встану...

– Э-э, друг, так дело не пойдет! Мы живы до тех пор, пока имеем силы сопротивляться. Ты же сам меня этому учил!

– Помереть можно и при жизни, – возразил Венедикт.

– Что значит помереть?! Да ты еще ничего должного не сделал!

– Я никому ничего не должен.

– Богу должен! Тебе дан талант, силы. А ты на тот свет собрался!

Под напором товарища Венедикту вдруг захотелось разбить вдребезги эту мерзкую стеклянную стену, отгородившую его от мира, где живут и мыслят свободные люди. Не жмутся в дальний от параша угол, не прячут глаза под взглядом вертухая... Нет! Летают на самолетах с континента на континент, работают в современных лабораториях, слушают оперных див и кричат им и самим себе: «Брависсимо, человече!»

– Веня, ты слышишь меня? – спросил Юра, озабоченный молчанием друга.

– Да... – тихо ответил Венедикт. – Прости, Юр, я должен побыть один. Благодарю тебя.

Он встал. Из угла раздался монотонный голос:

– Свидание закончено.

Юра вернулся в Москву и поднял на ноги все возможные связи, накопленные им за семь лет литературной деятельности. На Петровке только и говорили, что про Владимирский централ. А когда пришло ходатайство на имя министра за подписью Святейшего Патриарха, тут уж события закрутились быстрее времени! Венедикту оставалось лишь подписать документы на апелляцию и долгие (долгие!) три недели ждать положительного решения выездной коллегии. Короче говоря, жевали без малого четыре года, а выплюнули, как вишневую косточку!

Вот так бывает в жизни. Задумал лукавый смахнуть богомаза с подмостков иконных, и ничего у него не вышло! Увел ангел-хранитель Венедикта прочь от адовых Черемушек. Увел и дорожку вымел – ищи, рогатик, ветра в поле!

* * *

Венедикт вернулся в Москву пустым. Его сердце так и осталось в застенках Централы, ведь в женском отделении тюрьмы, в одной из тысяч невольничьих камер отбывала срок одна из шестерых борцов за справедливость – возлюбленная девушка по имени Млада. Когда «народовольцы» ввалились в прихожую и стали бесцеремонно разглядывать обстановку повстанческого приюта, сердце Венедикта дрогнуло. Он что-то отвечал, показывал и не отрывал глаз от лица девушки, наполовину скрытого под балаклавой.

Потянулись дни повстанческого «труда». Венедикт с удивлением наблюдал гадкую, почти звериную этику «народовольческих» отношений. Безусловное послушание Млады распоряжениям и прихотям товарищей вызывало в нем острое чувство жалости. Он старался угодить незнакомке, восполнить собственным вниманием уродливое и бесцеремонное отношение членов звена. Внимание Венедикта стремительно росло, это смущало Младу, она злилась – ишь, ухажер нашелся! Но мало-помалу мужское расположение пришлось девушке по душе. Получив от звеньевого Протаса распоряжение «Младка, руби этого козла, он нам нужен», и вовсе успокоилась. Вынужденная по «корпоративным соображениям» посмеиваться над влюбчивым хозяином, она в душе сердилась на своих подельников, искала поводы остановить их скабрзные перетерки и скрывала от всех, даже от самой себя, растущую с каждым днем симпатию к Венедикту.

Глава 4. Сквозь тюремное окошко

Не замерзни, голубок!

В женской исправительно-трудовой колонии № N распорядок дня не злобствовал. День начинался с утреннего построения не в 6:30 утра, как в мужской колонии по соседству, а в половине восьмого. Хмурые, едва очнувшиеся ото сна женщины воспринимали утреннее построение как тревожную и болезненную процедуру. Растрепанные, закутанные в серые одинаковые платки, они мерно покачивались из стороны в сторону, будто плыли по волнам потревоженных сновидений. Деточки и радости прошлых лет, снившиеся только что, еще не растворились бесследно в морозном воздухе, но продолжали быть где-то рядом. Оттого арестантки ежились от солнца, как от летящего в небе айсберга, набирающего холодную владимирскую силу.

Год назад сменился начальник колонии. На место отвратительного тюремного полканá пришел молодой, интеллигентного вида, подполковник без зверских гендерных замашек. Первое, что он сделал, – привел в соответствие с тюремным уставом внутренний распорядок, искорверканный прежним самодуром. Жизнь в колонии стала терпимой. «И раб судьбу благословил!» Арестанты и надзиратели выдохнули с облегчением. Никому не хотелось быть зверем и превращаться в него по прихоти обстоятельств.

Колька Брунов

– Летова, танцуй, а то не дам!

Надзирательница заложила за спину руку с конвертом и выжидающе уставилась на Младу.

– Мне что, письмо, что ли? – закатилась румянцем девушка, тщетно пытаясь остановить расплзающуюся по лицу улыбку.

– Ну, не хочешь как хочешь.

Охранница сделала вид, что собирается уходить. Испуганная Млада развела руки в стороны и балетной «сороконожкой» плавно пошла по кругу.

В свое время она окончила хореографическое училище. Выпускной совет рекомендовал ее в местный знаменитый на всю область ансамбль «Воронежские березки». О том, чтобы танцевать в именитом коллективе, мечтала каждая девочка в небольшом провинциальном городке Россошь. Ежедневные полуторачасовые поездки на автобусе до райцентра на репетиции, поздние возвращения домой, переходы по темным замерзшим улицам не пугали Младу. Она вообще была смелая девушка. Недаром на нее положил глаз Колька Брунов, заводила всей окрестной шпаны. Он же лишил Младу невинности. Случилось это наспех, в неприятном месте. Млада испугалась и хотела кричать, но Колька вытащил нож, вспорол блузку и, приставив лезвие к горлу, не торопясь, с оттяжкой сделал свое паршивое дело до конца, надменно и больно.

– Ты че, у меня первая, что ль? – хмыкнул Колян, застегивая штаны. – Не будешь дурой – сделаю кралей. Усекла?

Млада наскоро по скрипучему снегу побежала домой, стараясь не поскользнуться на мерзлых лужах. Открыв дверь квартиры, она опрометью бросилась в свою комнату и заперла дверь на щеколду. Юркнула так быстро, что ни мать, ни отчим, сидевшие в это время на кухне, не заметили шорох в дверях и ее быстрые босые шажки.

Девушка сбросила порванную одежду, запахла в домашнее и хотела было отправиться на кухню, пока не постучала мать. Вдруг ее хрупкое тельце затряслось в страшных раз-

машистых конвульсиях, из горла вырвалось хриплое рыдание. Она едва успела уткнуться в подушку и вдавить в нее исковерканную девичью честь и внутренний ужас случившегося.

– Ты слышала? – спросил отчим у матери, оставив граненый стакан с чаем. – Наша дева фыркнула, что ли.

– Так ее ж нет еще, – ответила мать, громыхая посудой в раковине.

– Выходит, пришла, – сказал отчим, отхлебывая чай, – пришла, ну и слава Богу.

– Темнота-то какая, – вздохнула мать, глядя в черный проем окна поверх тюлевой занавески, – что-то сердце кольнуло, пойду лягу. Господи, жизнь наша бабья...

Млада долго не могла успокоиться. Казалось, не она прильнула к подушке, а подушка обхватила ее лицо и душит. Постепенно дрожь в теле стихла, и девушка забылась.

Очнулась среди ночи. Мать, почувствовав себя неважно, в тот вечер не провела дочь. Отчим любил Младу всем сердцем, но не считал правильным навещать в девичью светелку. Млада присела на край кровати. Раскальвалась голова, сильно подташнивало. Она провела рукой по лицу. Прикосновение холодных пальцев было неприятно. Пыталась озлобиться на Кольку, на зимний холодный вечер, загнавший их в этот отвратительный сырой подвал. Но даже на это не хватило сил. Как мумия, просидела девонька до самого утра с прямой спиной и упавшей на грудь головой.

Письмо Венедикта

– Хватит! Ишь, расходилась, – фыркнула надзирательница с внутренней обидой, а может, завистью к молодости Млады. – Получи, коза.

Пару секунд она покружила конверт в воздухе, затем опустила заветную бумажку на прикроватную тумбочку и, взметнув на груди две внушительные пирамиды, вышла из камеры.

Пока Млада ублажала танцем надзирательницу, таинственный конверт, как сказочный крысолов, провел перед арестанткой вереницу событий из прошлой жизни. Все смешалось. Мать, отчим, заносчивая брань Коляна, сопливые тисканья его поделщиков, холодные глаза и мокрые жирные губы их шефа Давида Самойловича, которому Колян исправно шестерил. До того шестерил, что сам подвел и бросил к ногам бедную Младу. Так собака кладет перед хозяином тапочки.

Встреча с Венедиктом всколыхнула в девушке природную женственность. С глаз спала липкая вуаль установленного порядка. Открылось ничтожество поработивших ее мужчин, алчных примитивных самцов, подорвавших ее здоровье, отнявших счастье быть любимой, превративших ее тело в послушный инструмент похотей и мерзких причуд. Младе стало очень жалко себя. Она с тайной завистью глядела на восторженного Венедикта и совершенно не видела себя рядом. Учеба в школе, занятия хореографией готовили ее к красивой, наполненной высокими смыслами жизни. Чуткая преданность матери, отеческая любовь доброго душевного отчима, ласковый, уютный мир девичьей светелки – все это способствовало грядущему проявлению чистой, как родниковая вода, будущей женственности.

Как хочется отмотать назад дни, мысленно вернуться в прошлое и спросить себя: «Могло ли случиться по-другому?» Ведь мы умеем предугадывать будущее. Крысы, бегущие с корабля, которому предстоит затонуть, вряд ли умнее нас...

Девушка взяла с тумбочки конверт, прочитала имя и адрес отправителя и тихо заплакала. Письмо, как читатель уже догадался, было от Венедикта.

* * *

Любовные истории пестрят огромным количеством милых и роковых совпадений, поэтому сочинители часто вынуждены повторять сюжетные ходы друг друга. По счастливой

случайности письмо Венедикта сохранилось. Теперь, когда история завершена, оно утратило свою эпистолярную тайну, и автор вправе опубликовать его как артефакт одного отдельно взятого человеческого счастья.

Письмо Венедикта к Младе

«Милая Млада! Я долго думал, как начать это письмо. Мы настолько мало знакомы, и в то же время я настолько хорошо чувствую Вас (ощущения – тоже знания), что откровенно теряюсь. Писать, как подсказывает сердце, не могу из опасения невольно обидеть Вас. Но уверенность в том, что Бог свел нас неслучайно, придает мне смелости.

Вначале расскажу о себе. Приезд Вашей группы смутил мою налаженную жизнь церковного художника. Я решил отложить умозрительные опыты и заняться настоящим, нужным для людей делом. Признаюсь, многое в Ваших боевых товарищах мне с самого начала не понравилось. Их поведение отличали душевная грубость и непристойность в мыслях. Особенно задел меня звеньевой Протас. Столь циничного отношения ко всему, что возвышает нашу жизнь, делает ее по-настоящему прекрасной, я не встречал. Возможно, я ошибаюсь, и он хороший человек, зачем-то играющий роль плохого парня. Но разве можно так намеренно исказить мир?

Главное, я разглядел Вас, Вашу чистую душу. Как дикарка-невольница, Вы сторонились меня. Однако я заметил, что Вы не были близки и Вашим товарищам.

Млада, милая, я люблю Вас. Люблю, несмотря ни на какие прошлые и будущие обстоятельства. Люблю Вас больше самого себя и готов за Вас и Вашу честь идти на лишения, даже на смерть.

Заканчиваю. Пусть сумбурно, но мне удалось сообщить главное: тревога о нашем затянувшемся неучастии в судьбе друг друга не дает моему сердцу покоя. Еще раз простите, если бестактно встревожил Вас. Я первый раз в жизни объясняюсь в любви. Должно быть, неумело.

Любящий Вас Венедикт Аристов».

Вечерний гость

Оставим Младу наедине с письмом Венедикта, перенесемся в степной городок Россось в типовую двухкомнатную хрущевку и подсядем за столик рядком с Екатериной Осиповой и Иваном Матвеевичем, матерью и отчимом Млады.

– Отправила письмо? – Матвейч оторвал взгляд от газеты и посмотрел на Екатерину.

– Отправила, Вань. В обед сбегала на почту и отправила. То, прошлое-то, помнишь, поди, цельный месяц шло. Кабы это не залежалось.

– Я узнавал, чаще писать нельзя. Раз в месяц – и баста.

Иван Матвейч встал и приоткрыл балконную дверь. Ледяной холодок потянул по ногам, хлопьями полетели снежинки.

– Закрой, Вань, зябко! – взмолилась Екатерина. – Как-то там наша ласточка? У них посевней будет. Пишет, все есть. Кто правду знает! Велят отвечать: мол, все хорошо, а на самом деле не так...

– Не надо, Кать. По весне поедем, как хотели, все разузнаем.

– Дожить бы.

Прозвенел входной звонок. Иван мельком взглянул на часы и направился в прихожую.
– Кого несет? Час-то поздний.

Из прихожей донесся незнакомый мужской голос. Через минуту порог кухни переступил высокий плотный мужчина лет сорока пяти. Поддерживая гостя под локоть, следом вошел Иван.

– Проходите, мы тут как раз чаевничаем. Присаживайтесь. Тесновато, да уж как есть! – Матвейч усадил незнакомого гостя на свое место, а сам подсел напротив на табурет.

– Кать, налей-ка нам чайку! – с улыбкой добавил он. – Послушаем, с чем гость дорогой пожаловал.

Женщина поставила на стол еще один стакан в подстаканнике и наполнила граненую форму раствором рубинового цвета с ароматом суданской розы.

– Вот наш чаек! – пробасил Иван. – Очень мы этот капиталистический гибискус уважаем.

Сделав еще пару реверансов в сторону гостя, Иван принял серьезный вид и приступил к делу.

– Что ж, начнем разговор, пожалуй. Во-первых, познакомимся.

Он привстал и с легким поклоном представил себя и Екатерину.

– С Вашего позволения, Константин Александрович, – ответил гость, – отец девушки по имени Валечка.

Когда гость произнес имя дочери, его голос дрогнул и на мгновение будто повис в воздухе.

– Расскажу по порядку.

Константин вынул из кейса фотографию дочери и положил на стол перед собеседниками.

– Нашей Валюше пятнадцать лет. До последнего времени это был идеальный ребенок, отличница, вожатая младших классов, занималась хоровым пением. Но полгода назад с ней что-то произошло. Девочку как подменили. В последние два месяца она стала по неделям где-то пропадать. Появится на пару дней, и снова нет. Спрашиваем: «Где ты, что с тобой?» – молчит или огрызается, мол, как вы мне все надоели...

Гость достал носовой платок и вытер глаза. С минуту сидели молча. Набравшись сил, Константин продолжил:

– У нас с вами есть один общий знакомый. Артем Холмогоров...

– А, Артемка! – перебил гостя Иван. – Знакомая личность, и, кстати, весьма неплохая!

– Да, вы правы. Я Артема знаю около двух лет. Он здорово помог мне однажды. Когда я поведал ему наше с Настей горе (Настя – это жена моя), он в ответ рассказал, что и вас коснулась крылом странная черная птица. Артем предположил, что у наших с вами нестроений есть какая-то связь и общая причина. Говорили мы с ним вчера. Я записал ваш адрес и, простите, пришел без звонка. Подумал – так вернее, вдруг вы не захотите ворошить прошлую боль.

– Какая ж она прошлая! – в один голос выдохнули Екатерина и Иван.

– Вот такие дела, – Константин замолчал и выжидающе посмотрел на хозяина.

Лицо Ивана Матвейча сделалось красным от напряжения и покрылось легкой испариной. Он встал и подошел к балконной двери. Не замечая струящегося по ногам холодка, жадно вдохнул морозный воздух.

– Артемка прав. Тут наверняка есть связь, и я даже догадываюсь какая.

Иван задумался.

– Мы с Катей внимательно следили за процессом обвинения Млады и ее товарищей, вернее, подельников. Представьте, все дружки оказались отпетыми негодьями! Особенно этот, как его, Кать?

Екатерина подхватила речь мужа:

– Вроде Протасом его звали.

– Ну да, Протас, – продолжил Иван. – Исключительная сволочь! Его судят, а он: «Вернусь, всех порежу, гадом буду!» Прокурор не выдержал и говорит ему в ответ: «Да ты уже гад!» А судья прокурору: «Товарищ прокурор, соблюдайте этику судопроизводства». Вот в какую мерзость вляпалась наша ласточка.

Матвейч вытер платком взмокшую шею.

– Хуже немцев, в самом деле!

Он присел снова за стол и сложил перед собой руки.

– Прости, Кать, сорвался...

– Ничего, ничего, Ванечка, кто ж гадал, что все так будет. Ты пораскинь, пораскинь-то головой, ты ж следопыт! – Екатерина подошла к мужу и обняла его со спины.

– Вот что, – поджав губы, заговорил Иван, – помнится, в деле фигурировал некий загадочный наставник этих головорезов. Я даже помню, звали его Давидом. «Экая карикатура на библейского Давида!» – подумал я тогда. Его роль так и не выяснили. В разбое не участвовал, наговора ни одного на себя не принял. Спросили Младу – та молчит как рыба. Прокурор девоньку нашу расшевелить пытается – нет, молчит и, как кукла, отнекивается: не знаю, не видела. У нас с Катей, помнится, прямо в зале суда слезы потекли. Плачем, ничего с собой поделатать не можем. Только прячем лица от Младушки, чтоб не смутить ее, голубку. Короче, отвели тогда подозрение от этого Давида, не царапнуло его правосудие. Так и вышел он из зала суда – холеный, наглый. А я-то чую, что не чист он. Кулаки сами сжимаются. Катя видит такое дело, меня в охапку, и домой. А уж дома она меня по первое число встряхнула. «Дурень ты, – говорит, – бестолковый! Ежели нас засадят, кто Младушке пособит, когда надобно будет?!»

Иван направился было опять к балкону, но на полпути остановился и сказал:

– Заболтался я паче меры. В общем, не выходит у меня из ума этот Давид. Чует сердце, есть в горести нашей дочери его поганое участие. А там, может статья, и ваша беда неподалеку.

– Так что ж, надо искать этого Давида? – Константин вопросительно посмотрел на Ивана.

– Похоже на то, брат, надо!

Вот так детективчик!

Снегопад обрушился на город с такой силой, что на долгом перегоне от Котельников до Заречной подножка трамвая превратилась в сплошной белый сугроб. Когда раскрылись трамвайные дверцы и пассажиры, поторапливая друг друга, стали выходить, одна бабка замешкалась, поскользнулась на обледенелой ступени и неуклюже повалилась на заснеженный тротуар. Иван и Костя, стоявшие в очереди на посадку, бросились поднимать упавшую женщину. Помогли встать на ноги и собрать вещи, вывалившиеся из хозяйственной сумки.

– Мать честная! – шепнул Костя Ивану на ухо. – Это ж кофточка Валентины!..

– Как так? – тихо, чуть отвернувшись от бабки, проговорил Иван.

– Ну да, чернильное пятно на рукаве. Я сам его закрашивал...

– Молчи! Работаем.

Матвейч любил читать детективы. Деньги, свободные от семейных нужд, он тратил на книги. Покупал в магазинах, заказывал по почте, обменивался с такими же, как сам, любителями поискового жанра. Домашняя библиотека множилась и уже не помещалась на самодельных антресолях, которыми Иван занял все пространство от потолка до притолок в их скромном двухкомнатном жилище.

Екатерина и Млада посмеивались над ним и после каждого очередного приобретения брали с Ивана слово: книги больше не покупать. Ведь существуют библиотеки, читай – не хочу! Однако запах свежего, местами недоразрезанного, новенького книжного блока, таящего в себе незнакомую историю о смелом похищении, головокружительной погоне и торжествующей в финале справедливости, действовал на Ивана магически и неотвратимо. Когда ему удавалось

обнаружить на стеллажах книжного магазина еще не читанный детективчик, он воровато оглядывался по сторонам, брал книгу и шел к кассе, не листая и даже не прочитав аннотацию. По возвращении домой Иван старался незаметно вставить новое приобретение в плотные ряды уже имеющихся книг, и если девушки (так Матвейч величал женскую половину своей семьи) обнаруживали его тайные действия, все долго и весело смеялись. «Иванов криминал» являлся забавным украшением их дружной семейной жизни.

Это лирическое отступление имеет целью предупредить читателя: если он обнаружит в речи Ивана Матвеевича специальные слова и выражения, свойственные полицейской профессии, не надо удивляться. И еще. В год конфликта на Даманском (1969 г.) Матвейч геройски служил сержантом на лучшей в Иманском погранотряде заставе № 1 («Кулебякины сопки») и язык таежного охотника знал в меру служебной необходимости.

* * *

Мужчины помогли бабке собрать разбросанные на снегу вещи и вызвались проводить. Старому человеку идти по гололеду, припорошенному выпавшим снежком, опасно. Бабка согласилась. Подхватив бабулю под руки, мужчины тронулись в путь. В небольшом заснеженном дворике бабка замедлила шаг. Вскоре она остановилась у невзрачного подъезда, над которым горела единственная во дворе лампочка дежурного освещения.

– Ну, милки, добрались, – нараспев сказала она, – благодарствую, идите с Богом.

– Мать, так что ж ты, в прачечную на трамвае ездила? У тебя что ж, стиралки нет, что ль? – спросил Иван, внимательно оглядывая окна.

– Есть, есть, милоч! Только хозяин мой больно привередливый. Не велит трогать вещи, неси, мол, в прачечную да отдай Надюхе, та разберется. Надюха эта, видать, знакомая его.

– Чудной он, хозяин-то твой, – Иван повел разговор дальше.

– То правда. Выпить, скажу по секрету, – бабка сморщилась вроде как в осуждении, но тут же расплылась в улыбке, – не дурак, ой, не дурак! Но, главное, падок, шельма, до женского полу. Да все помоложе высматривает. Я уж ему не раз говорила: «Давид Самойлович, не к добру ты девчушек приманиваешь, совесть-то поимей!» А он только смеется да живот свой сальный поглаживает. «Не твое, Мироновна, дело, – говорит, – мне советы раздавать. Плачу хорошо, и будь довольна».

Иван заметил, как напрягся Константин, будто весь изготовился к прыжку. Встав между ним и бабкой, Матвейч спросил, стараясь придать голосу веселую небрежность:

– Что ж ты, бабуся, не позвонишь ему, чтоб встретил, сумку помог занести. Поди не на первом этаже живет-то твой благодетель?

– И-и, куды, милоч, хватил! Энтот благодетель с места не двинется, хоть помирай рядом. Одно слово – благодетель! Он даже деньги мне в руки брезгует подать. Бросит на пол и ботинком подшвырнет, хошь бери, а не хошь – ступай прочь. Лифту нет, этаж последний, ковьяй, старуха, как знаешь!

Бабка веселела на глазах. Заметно было, что разговор пришелся ей по душе. «Эх, бабка, видать, и поговорить-то тебе не с кем», – подумал Иван и вслух прибавил:

– Поднесем мы твой баул на пятый, не развалимся!

Бабка довольно кивнула головой, достала магнитку и приложила к кодовому замку. Отмычка щелкнула, и все трое друг за другом шагнули в черноту подъезда.

«Держись!» – шепнул Иван товарищу, стряхивая налипший снег с бабкиной сумки.

Поднялись на пятый, последний этаж. Под потолком тлела тусклая пятнадцативатка. Старуха подошла к двери, обитой новеньким дерматином черного смоляного цвета.

– Пришли, милки, вот тута, – выдохнула бабка и потянулась за сумкой.

– Ну, бывай, Мироновна, – сказал Иван.

Повернувшись к бабке спиной, он сделал пару шагов вниз по лестнице. Вдруг покачнувшись, присел на ступеньку и стал потирать правую лодыжку.

– Ты че, милоч? – испугалась бабка.

– Ничего, мать, ничего, – ответил сквозь зубы Иван, – опять вывихнул сустав. Это у меня бывает. Ты иди, иди, не переживай, все нормально.

Костя понял трюк Ивана и, пока внимание бабки было устремлено на товарища, юркнул за вентиляционный шкаф, выступавший из стены рядом с дверью.

Как только Константин исчез, Иван поднялся, показывая, что уходит.

– Милоч, а где ж твой приятель? – удивилась бабка.

– Да он уже ушел. Ты иди, иди.

Старуха повернулась к двери и нажала звонок. Послышалось, как кто-то в квартире подступил к двери. Дерматиновое полотно дрогнуло, сноп яркого света брызнул на лестничную площадку. Старуха подняла с кафельного пола сумку и, охая, подала в образовавшуюся щель. Пухлая багровая рука перехватила подношение, дверь поползла обратно. В этот миг из укрытия выскочил Костя и изо всех сил рванул полотно на себя. Свет вывалился на лестничную площадку и с ним хозяин жилища, толстяк лет сорока с проплешиной на затылке и в пунцовых шелковых шароварах на восточный манер. Давид Самойлович – это был именно он – поскользнулся на стаявшей с сумки изморози и нелепо рухнул под ноги Константину. Объятый внезапным страхом, он продолжал сжимать дверную ручку и походил на крупного, нагулявшего жир леща, пойманного на кукурузу пополам с вареной перловкой.

Бабка в ужасе отскочила к дальнему повороту площадки. Попыталась кричать, но голос не слушался, и испуганная женщина замерла, закрыв лицо руками. Иван в два прыжка взлетел по ступеням вверх.

– Костя, проверь квартиру! – крикнул он, поднимая с пола и вталкивая обратно в жилище перепуганного хозяина.

Обернувшись к старухе, он строго прикрикнул:

– Иди отсюда, и чтоб ни-ни!

Сказав это, Иван спокойно затворил дверь. Зверь был пойман.

Логово

Иван молча гнал перед собой толстяка и бесцеремонно наступал мокрыми ботинками на его ворсистые тапочки. Понимая, что в этой квартире их ждет много неожиданного, разведчик металлическим голосом скомандовал:

– Лицом к стене, руки за голову!

Давид рухнул на колени, подполз к стоявшему у стены шкафу и уткнулся лбом в дверцу, сомкнув на затылке руки. Он ни о чем не спрашивал непрошенных гостей, не возражал и, казалось, внутренне был готов к внезапному крушению своей крохотной империи зла. Прилив страха превратил его в лугового зверька, пойманного соколом и безвольно висящего в сомкнутом клюве. Действительно, по мелкому дрожанию дряблого тела несложно было предположить, что этот человек принимает случившееся с покорностью побежденной твари.

* * *

Давид Самойлович Тройлер. В прошлом тихий мальчик из небогатой еврейской семьи. Ныне подпольный «Корейко» и тайный фигурант многих уголовных всяков, связанных с юношеским суицидом, так и не раскрытых добросовестной росошанской полицией.

Давиточек – так звала его мама – с детства любил издеваться над животными и с большой фантазией производил свои губительные опыты. Любознательный малыш привязывал несчаст-

ных жуков и гусениц нитками к двум параллельным веткам и медленно раздвигал опоры, глядя, как мучается и в конце концов гибнет разорванное пополам насекомое. В школе Давид учился вызывающе плохо, но его энтомологические коллекции были лучшими в классе. Поймав бабочку, мальчик прижимал пальчиком несчастное создание к фанерке, долго целился булавкой и, обнаружив подходящее место, медленно погружал острие в трепещущую плоть.

В конце десятого класса семнадцатилетний Тройлер чуть не вылетел из школы. В один из вечеров Давид, назначенный дежурным по этажу, проник в класс зоологии и украл скелет сухоносового примата (*Haplorhini*), проще говоря, обыкновенной обезьяны.

В трехкомнатной квартире Давид имел отдельную девятиметровую комнату, куда регулярно приглашал из школы девушек, как он говорил, «на коктейль!» Вы спросите: «Зачем он украл скелет?» Вот зачем. Пригласив очередную отличницу на невинный коктейль, он как бы невзначай распахивал дверцу шкафа. Оттуда вываливался... скелет! Поди разбери, чей он, обезьяны или человека? Гостья (отличницы, они нежные), естественно, падала в обморок. Тут-то и наступало время Тройлера! С гостьей несколько минут можно было делать что хочешь...

* * *

Иван подхватил стоявшую в углу пластмассовую метелку и воткнул торец древка в позвоночник Тройлера. Почувствовав прикосновение «оружия», Давид Самойлович гортанно застонал и еще плотнее вжался в дверцу шкафа.

– Осмотреть помещение! – скомандовал Иван, играя роль старшего.

Константин распахнул дверь в гостиную и... замер. Под подоконником, у противоположной от входа стены, прикованная наручником к батарее, полулежала на полу хрупкая девочка. Пустые, не сконцентрированные ни на чем глазенки выдавали ее обморочное состояние. Ввалившиеся глазницы были темны и сухи.

– В-валечк-ка... – только и смог выдавить из себя Константин.

Он бросился к дочери. Заметив на краю подоконника ключ, схватил его и разомкнул страшные узы.

– Валечка, Валечка! – повторял Костя, подхватив на руки онемевшую дочь.

Опустив дорожную ношу на огромную кровать, стоящую рядом, он шепнул: «Я сейчас, Валюшенька, я сейчас!..» – и как вихрь метнулся в прихожую. Не слушая возражений Ивана, Константин поднял с пола Тройлера и сжал его в кулаке, как осеннюю труху, свалившуюся на землю. Несчастный отец уже занес руку для смертельного удара, но Иван помешал ему исполнить задуманное.

– Отставить! – прорычал он.

Комкая жирный загривок Тройлера, Константин еще несколько секунд подержал его над полом, как бы раздумывая, что делать дальше, потом с отвращением отбросил в сторону и поспешил к дочери.

Валя, изможденная жестокими причудами Тройлера, забылась сном, и Костя вновь вышел в прихожую. Сняв трубку с висевшего на стене телефонного аппарата, он набрал номер полицейского управления.

Плюс Поинка

Млада бесчисленное количество раз перечитывала письмо Венедикта. Всякий раз она бережно сворачивала листки, исписанные небрежным от волнения почерком, и прятала письмо в конверт. Застав девушку за очередным прочтением, сокамерница Поинка шутя сказала:

– Младик, да ты никак не начитаешься, дала б хоть глазком глянуть!

– Поль, не липни, – ответила Млада и густо покраснела.

– И-и!.. – закудаhtала Полина. – Все, все, все – не видела, ничего не знаю, прости, подруга!

Тюремные отношения имеют особенность. Если между сидельцами накапливается неразрешенное зло, их взаимоотношения становятся болезненны и нетерпимы. Когда же удается сохранить в диалоге друг с другом человеческий облик, общение даже отпетых разбойников обретает бережный и предупредительный характер. Ведь как ты поступишь с товарищем, так и он протянет тебе однажды руку помощи – или не протянет. Тот, кто выстраивает линию поведения по праву сильного, о будущем не думает. Ему важно утвердиться в настоящем. Это касается человека всякого: от подневольного блатаря до высших должностных лиц в государстве.

* * *

В один из вечеров, незадолго до отбоя, Млада под села к Полине и, вынув из нагрудного кармашка конверт, подала со словами:

– Читай, пожалуйста.

Полина недоверчиво посмотрела на подругу и, хмуря бровки, ответила:

– А надо?

– Я не знаю, что мне делать. Он очень хороший, а я?.. Зачем все это?

Полина достала из конверта письмо и принялась за чтение. Читала она долго и внимательно.

– Ну что? Ну говори же! – теребила Млада и, как маленькая девочка, непрерывно заглядывала подруге в глаза.

– Да погоди ж ты! Дай разобраться, – отмахивалась Полина от Млады, как от надоедливой мухи, глотая очередную строчку.

Наконец она закончила чтение, откинулась к стене и мечтательно произнесла:

– Да-а... Вот это любовь!

Млада выжидающе глядела на подругу. Но та, совершенно забыв о существовании реального адресата, покачивалась из стороны в сторону и, закатив глаза, не переставала широко улыбаться и мечтательно повторять:

– Да-а...

В конце концов у Млады лопнуло терпение.

– Дай сюда! – она вытянула из кулачка Полины драгоценную бумажку, аккуратно вложила в конверт и убрала в карман. Только тогда улыбнулась и облегченно выдохнула.

– Скажи что-нибудь, не мучь меня!

Полина выпрямила спину и с вызовом посмотрела на Младу.

– Какая ты красивая! – прошептала Млада, зачарованно глядя на ореол света, обрамляющий рыжую копну волос своей тюремной подруги.

– Хм, – хмыкнула Полина (она целиком вошла в роль нежно любимой барышни), – любовь, детка, это... – произнесла она, вычертив пальчиком в воздухе замысловатый вензель. – Это любовь!

Девушки взглянули в глаза друг другу и беззаботно, как в милое прежнее время, рассмеялись.

В коридоре раздался голос надзирательницы:

– Смех? В чем дело?

Лязгнул дверной засов, в камеру вошла женщина в форме.

– Я спрашиваю: кто сейчас смеялся?

Кроме Млады и Полины, в камере не было никого, поэтому вопрос был, мягко говоря, дурацкий.

– Да мы не смеялись, мы так просто. А что, нельзя разве? – спросила Полина, приподнимаясь с табурета навстречу надзирательнице.

– Здесь режимное учреждение, а не комната смеха. Услышу еще раз – объявлю взыскание.

Сказав это, женщина решительно вышла. В наступившей тишине Полинка прошептала:

– Ненормальная. Новая, что ли?

Глянув на окошко в дверях, прикрытое металлической заслонкой, девушки обняли друг друга и, пригасив свет, разошлись по своим топчанам. На часах, укрепленных на стене под самым потолком, значилось без десяти минут десять. Еще оставалось десять минут для того, чтобы привести себя в порядок, почистить зубы, расчесать волосы и затихнуть до утра на простых, похожих на топчаны кроватях. Ведь ровно в десять будет обход, и, скорее всего, придет с проверкой эта новая выдра, а значит, любое пререкание может закончиться нарядом «исправительно-трудового свойства», как любят бубнить писари комендатуры.

Тетя Клава

То-то раньше была надзирательница, милая тетя Клава (Клавдия Александровна Шапошникова). Целых полтора года Млада и Полинка жили не тужили под ее материнским покровом.

– Девоньки, – говаривала добрая женщина, – да как же мне вас жалко-то! Вам любить да любезничать с телóчками надобно, а вы что? Какая нелегкая занесла вас в это урочище, голубоньки мои! Здесь же все ненормальные, будто нелюди, рычат друг на дружку да сами с собой собачатся...

– Тетя Клава, а вы? Вы же нормальная, а тоже здесь оказались, как так? – спрашивали подружки добрую надзирательницу.

– Так то, милóчки мои, ради таких, как вы, и пришла. Грех на мне великий лежит!..

– Какой же грех, тетечка?

– Ой, милушечки, не спрашивайте, загубила я дитятко свое. Могла родить и должна была, да только хотелось мне в миру-то покружиться, разных пакостей его сладостных перепробовать. И мужа я обманула, доложила ему, мол, выкидыш случился. Мужики – они доверчивые. Им что ни скажи – всему верят с порожка. А уж когда вскрылось мое позорище, он мне и говорит: «Прощай, Клавушка. Люблю тебя безмерно, но веру в тебя потерял, потому и ухожу». Уж как я, паскудная, в ноженьках его валялась, как умоляла простить, не поверил он мне. А я так думаю: и правильно сделал. Обман, что расколотая чашка, – как ни клей, следок все равно остается...

Через полгода надзирательницу Клавдию Шапошникову уволили. Ее добрый образ, как эхо в горах, еще долго бродил по гулким тюремным коридорам. А потом не стало его. Подставили Клаву сами же заключенные, ради которых она, как мотылек, залетела на это поросшее увядшими цветами минное поле. Как ни пыталась Клавдия Александровна оживить полумертвые, изъеденные бабской обидчивостью сухоцветы – ничего у нее не вышло.

Млада и Полинка долго кручинились о тетушке. Оставила она в памяти девушек много добрейших фраз и рассуждений. Говорила простые русские слова, а казалось, что говорит волшебница!..

Тут-то и обнаруживает себя главный вопрос исправительно-трудоустройственной колонизации: в чем смысл принудительного лишения свободы? В исправлении человека через осознание совершенного греха и внутреннее раскаяние или в попытке отвести его от повторного преступления, пугая воспоминанием о пережитых зверствах тюремной жизни? Первый путь – это путь света. Второй – путь страха. Но страх никогда не исправлял человека, лишь делал его хитрей и изворотливей.

Глава 5. Любовь, зачем ты мучаешь меня?

Ответное письмо Млады

Как-то вечером, возвращаясь из храма, Венедикт обнаружил в почтовом ящике письмо. Ответное письмо Млады. Припомнились ощущения полуторамесячной давности. Заполняя данные на заказном конверте, он подумал: «Зря все это». С трудом верилось, что письмо каким-то образом попадет в руки Млады, а если и попадет... Так моряк, терпящий крушение, бросает в волны бутылку с мольбой о помощи и затем, переодевшись в чистое, готовится к смерти. Но Млада ответила. Ее письмо по счастливой традиции – уж так повелось в российской словесности – сохранилось и было передано автору для ознакомления и возможного использования в развитии сюжета.

Итак, перед нами письмо Млады Летовой, осужденной на четыре с половиной года за участие в групповом разбойном нападении на автомобиль частной инкассаторской службы.

«Милый Венедикт, здравствуйте! Ваши слова потрясли меня своей откровенностью. Я не мастерица говорить и уж тем более писать. Мне трудно объяснить вам все, что я передумала, читая и перечитывая ваше признание. Кто я и кто вы! То, что вы написали, – сказка. Быть может, вам стало жалко меня. Я люблю, когда меня жалеют. В детстве, когда я что-нибудь делала не так и мама ругала меня, отчим, бывало, скажет матери: “Кать, уймись!” Потом обнимет мои плечи огромными руками, прижмет к себе и жалеет. И так-то сладко в его объятиях!

Но ваша жалость причинила мне боль. Неужели я такая порченная, что вы, человек, которому до меня не должно быть никакого дела, вдруг начинаете жалеть эту тюремную дуреху, как драную кошку, перебегающую улицу. Мне не нужна такая жалость! Пусть я потеряю последнее, что еще есть у меня в этой жизни, – надежду, но цепляться за вашу жалость, как за спасительную соломинку, не буду. Слышите, не буду!

Простите, милый Венедикт, я не верю в вашу любовь.

Будьте счастливы и не тревожьте меня больше.

Прощайте. Любящая вас Млада».

* * *

Венедикт перекладывал из ладони в ладонь небольшой листок, исписанный аккуратным убористым почерком, и никак не мог понять, почему Млада поняла его совершенно не так, как он хотел. Смысл ответного письма не укладывался в его голове. Жалость... Какая жалость?! Он писал о любви, и только. И почему в конце она говорит, что любит, и сама же рвет будущие отношения? До позднего вечера он бродил по заснеженным московским улицам, пытаясь обнаружить хоть какую-то логику в словах Млады. И лишь под самую полночь, так ничего и не обнаружив, повернул к дому.

Сбросил в прихожей полушубок, присел на диван и вновь развернул письмо. Зазвонил телефон. Венедикт снял трубку.

– Вень, это я.

– Неспящий друг, что тебе?

– Тут вот какое дело...

– Понял, жду!

Через полчаса в квартиру ввалился улыбающийся Юрка. Со словами «Это гонорар!» он передал хозяину сумку, наполненную всевозможной заморской снедью. Венедикт принял поклажу и отставил в сторону, продолжая думать о своем.

– Нет, ты глянь! – противился Юра безразличию товарища.

– Ну и...

Над гастрономическим изобилием, как стожар в стоге сена, высилась литровая бутылка дивного испанского коньяка Torres.

– Как видишь, я к тебе по делу.

– Не сомневаюсь. Но сначала... – друзья прошли в комнату, – прочитай вот это.

Венедикт вручил письмо Млады. Юра подсел к столу, развернул сложенный вдвое листок и стал читать. Веня расположился рядом, полагая, что товарищ обязательно прервет чтение, потребует разъяснений, но Юра добежал глазами до последней строчки, отложил листок и, заложив руки за голову, откинулся на спинку дивана.

– Ну что?

– Что-что? – ответил Юра. – Это, детка, любовь, скажу я тебе. Да-да, по всему видно – любовь. Она самая!

Венедикт задышал тяжело и часто.

– Но ведь она просит оставить ее в покое!

– И правильно делает. Ты, наверное, хотел услышать: «Ах, милый, приезжай и забери меня отсюда!» Так, что ли?

– Да нет, – смутился Венедикт, – как я заберу...

– Эта девочка, скажу я тебе, – сокровище. Умная благородная дева. Меня не касается, почему и как она оказалась за решеткой. В каждом ее слове я вижу твое будущее счастье, господин божественный недотепа! Сейчас ты должен сделать самое главное – сохранить этой девочке надежду. Ты ее соломинка, понимаешь это? Надо срочно заказывать свидание и ехать. Если хочешь, я поеду с тобой и буду тебя инструктировать по месту. Тебе нужен поводырь, это ясно.

Юра потянулся к сумке.

– Но сначала позволь угостить тебя досточтимым испанским коньяком!

«В каком-то смысле мы с Юркой поменялись ролями, – подумал Венедикт, накрывая на стол. – Наверное, это и есть дружба: спиной к спине друг друга прикрывать!»

И вновь Владимирский централ...

Ранним утром поезд прибыл во Владимир. Утро выдалось холодное. Облака висели над Владимиром, как опрокинутая ружейная пирамида сказочного войска, заполненная до отказа надувными мечами и ватными секирами. Гонимые ветром, дымные массы бесшумно сталкивались, образуя новые причудливые формы. Самые агрессивные из них высекали из собратьев рваные протуберанцы и, празднуя пиррову победу, продолжали мчаться по небу в поисках добычи.

– Какой-то дутый каннибализм! – заметил Юра, вглядываясь в небесное представление.

– Вот-вот! – буркнул Венедикт. – Все, как у людей.

Друзья направились в вестибюль вокзала. В зале ожидания они долго разглядывали автобусное расписание, пытаясь выяснить маршрут. Но адрес, указанный в разрешении на свидание, на карте автовокзала не значился. Не прояснив обстановку, они вышли на привокзальную площадь и направились к стоянке такси.

– Че, на зону потянуло? – усмехнулся водила, покручивая пальцем цепу с ключами.

– Какая мама догадливая сегодня! – Юра вспыхнул в ответ на хамоватые слова таксиста.

– Ладно, ты не очень-то. Отмотал свое и будь. Такого, как ты, посадишь на колеса – самого назад на катафалке привезут, проверено.

Таксист повернулся спиной.

– Шеф, не обижайся, – миролюбиво продолжил Юра, – мы, еврейские писатели, своих не режем. Чувешь разницу?

– Так бы и сказал. И неча тут мамку поминать. Не твоего ума Богородица наша...

– Ого! – присвистнул Юра. – От тебе и Владимир Красно солнышко. Слышал, Веня?

– Слышал. А еще слыхивал, что Владимир – городище грозное, так что не бузи пона-
прасну.

Заклучив с водилой мир, друзья покатали по назначению. Владимирская земля равнинная – поля, поля. Но вот вдаль показались красные однообразные постройки. Водила махнул вперед рукой и сказал:

– Баста, приехали.

Такси подкатило к тюремным воротам. Друзья простились с водителем и направились к окошку охраны.

– У нас разрешение на свидание, – обратился Венедикт к сержанту, – как нам следует поступить?

– Прямо по дороге в главный корпус, – он махнул рукой в направлении самого внушительного здания тюремного комплекса, – там приемная посетителей. Удачи!

Друзья отошли от ворот. Юра усмехнулся:

– Зачем он пожелал нам удачи?

– Здесь на хорошее можно только надеяться, а плохое случится само собой, – ответил Венедикт.

В приемной у Венедикта спросили документы. Затем не спеша принялись выяснять цель запрашиваемого свидания, а также в каких родственных или иных отношениях он состоит с осужденной Летовой, отбывающей наказание в данном исправительно-трудовом учреждении. Веня сказался женихом Млады и, несмотря на предварительное разрешение столичных органов правопорядка на встречу, написал пространное обращение на имя начальника колонии с просьбой предоставить ему возможность увидеть любимую девушку. Дело подошло к развязке.

– Завтра в час дня вы получите ответ на ваш запрос, и в случае положительного решения завтра же вам будет предоставлено свидание.

– Завтра?.. Скажите, где мы с товарищем можем переночевать?

– Для влюбленных Ромео у нас имеется гостиница, – усмехнулся дежурный лейтенант. – Не обижайтесь, вы улучшили мне настроение!

Он встал, вышел из-за стола и проводил Венедикта до двери.

– Из проходной направо вдоль стены двести метров. Увидите строение полутюремного типа. Это гостиница. При входе предъявите дежурному – он вручил небольшую плотную бумагу желтовато-серого оттенка – до девятнадцати часов работает буфет. Расстегай не обещаю, но кофе и бутерброд с колбасой вас ждут непременно! За волокиту простите – таков порядок.

Легким кивком лейтенант дал понять, что разговор окончен, повернулся и зашагал к своему рабочему месту.

Венедикт вышел в холл, сгреб в охапку прикорнувшего на казенном диванчике Юру, и друзья направились в гостиницу.

Вечером накануне

– Веня, как ты думаешь, пить в режимной организации – хорошо или очень нехорошо? Только не подумай, что я ставлю под сомнение сам факт выпивки! Меня интересует нюанс: куда следует отнести наречие «очень»?

С этими словами Юра извлек из походного рюкзака фляжку армянского коньяка, прибавив:

– По два глотка за грядущее завтра!

* * *

Венедикт проснулся задолго до рассвета. Выходить из гостиничного номера в морозное утро не хотелось. Взглянув на спящего товарища, он достал из саквояжа псалтирь, включил прикроватное бра и принялся читать.

«Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых, и на пути грешных не ста, и на седалищи губителей не седе...»

Он читал размеренно, будто пел знакомую песню. Однако его внутренний отклик на проповедь благочестия был неспокоен. Венедикт отложил псалтирь и подошел к окну. Над колонией занимался еще один незнакомый и неприветливый день. Припомнилось, с какой медлительностью он проживал каждый час своего почти четырехлетнего заключения. «Если б не Юрка...» Он вспомнил, как перед приездом друга чуть не вырвал кадык хмырю Ереме, когда тот хохмы ради ткнул его в «парашину канавку», мол, место свое забыл, богомаз! Кабы не навалились мужики да не растащили, попал бы Веня лет на десять за мокрое дело – факт...

– Мы в тюрьму не опоздаем? – Юра откинул одеяло.

Венедикт посмотрел на ходики, висящие на стене.

– Без четверти восемь, мне назначено в час. Предлагаю прогуляться и полюбоваться на остров несвободы со стороны, так сказать, житейского моря.

– Как пираты, что ль? – ухмыльнулся Юра.

– Почему пираты?

– Мы же красть приехали. И не делайте, сударь, невинные глаза. Вы прибыли сюда, чтобы выкрасть любовь бедной девушки!

– Нет, – ответил Венедикт, – я приехал не красть, а дарить. Замечаешь разницу?

– Бог мой! Посмотрите на этого благородного разбойника, он приехал в тюрьму с дарами – каково! Только не думайте, что он вступит в бой с тюремной охраной и, перебив тюремщиков, положит к ногам своей избранницы дары, – Юра выпрямился и в театральном волнении распахнул руки. – Нет, наш рыцарь не вступит в бой и никого не перебьет, разве что случайно прищемит дверью, но, будьте уверены, тотчас извинится. Он не станет освобождать возлюбленную. Зачем? Зачем нарушать уголовный кодекс, если можно осчастливить девушку своей любовью прямо на месте ее заточения?

– Все? – строго спросил Венедикт.

– Пока все, – ответил Юра, возвращаясь к уборке кровати.

Венедикт собрал необходимые для предстоящего свидания документы, тщательно оделся и первым вышел из номера.

У стен централа

Они шагали по разбитой временем дорожке, огибавшей крепостную стену тюремного комплекса.

– Странная околесица, – сказал Юра, разглядывая под ногами в проталинах снега асфальтовый нахлыст, положенный если не до войны, то уж точно сразу после Победы.

– Наверное, здесь слишком давно ничего не случалось, – заметил Венедикт.

– Ты так и не вынес обиду. Боюсь я за тебя. Тюремная свиданка – штука непредсказуемая, по себе знаю.

– Я и сам побаиваюсь. После освобождения со мной несколько раз происходили очень странные вещи.

– Знаю, ты рассказывал, – Юра остановился, – выходит, время не лечит?

– Что-то лечит, а что-то, как родимое пятно, не сходит, как ни три. Вот слушай, этого я тебе еще не говорил. Иду как-то вечером домой из храма. Слышу, за гаражами перед самым моим домом какая-то нехорошая возня. Сворачиваю, вижу: мужик лет тридцати залез на молоденькую девчушку. Одной рукой зажимает ей рот, а другой расстегивает штаны. Верь, Юр, меня перехватило! В глазах мелькнула история Млады и Бог знает что еще. Я сдернул лихимца, крикнул ей: «Беги!» – а сам сдавил горло мерзавцу, чтоб не заорал. Драки не получилось. Он оказался эпилептиком. Тут же закатил глаза и повалился на землю. «Мать твою! – думаю. – Я ж его того. Кому теперь объяснишь, как все было». Девчонки, понятно, и след простыл. Я в бега. До самой ночи плутал-пересаживался, проеду на трамвае пару остановок, выхожу, бегу на метро, выйду из метро – в такси, в общем, вернулся домой уже ночью. А потом неделю дрожал – месяца не прошло, как освободился!

– Этот факт я, пожалуй, опубликую после твоей естественной смерти, – Юра весело улыбнулся, – при одном условии: обещаю в будущем искать другие решения в подобных ситуациях!

– Ну да, – вздохнул Венедикт, – ведь мог поступить как-то иначе. Такого себя и боюсь.

За разговорами часовая стрелка уперлась в небо, обозначив полдень, и друзья повернули к проходной главного корпуса.

На сон грядущий...

– Я вся дрожу! – Млада посмотрела на Полину взглядом прижатого к флажкам волчонка.

– Ну ты даешь, подруга! Ей предлагают глоток свободы, а она кобенится. Глупая, это ж твоя судьба приехала и хочет на тебя одним глазком поглядеть.

– Поля, милая, я ничего не могу с собой поделать. Как представляю, что увижу его, ведь он из-за нас сел, значит, и из-за меня... Ну зачем он приехал!..

Млада уткнулась в подушку, не имея сил сдерживать подступившие к горлу рыдания.

– Тише ты! – зашипела Полина. – Обход же. Провинишься – свидания лишат!

Но Млада не унималась.

– Младочка, девонька моя, угомонись, угомонись ты наконец, дура безумная! Идут же...

За дверью камеры слышались шаги вечернего обхода. Лязгнула задвижка глазка. Казалось, огромный круглый глаз надзирателя залетел, как шершень, в полумрак камеры и шарит по углам, выискивая нарушение распорядка или иное противоправное действие. Млада нашла в себе силы затаиться, а Полинка, как обезьяна, в один прыжок перелетела на свой топчан и юркнула под одеяло, успев в полете скинуть с себя верхнюю арестантскую одежду и платок.

С минуту глаз вьедливо осматривал закоулки камеры, потом нехотя убрался в дверной глазок. Лязгнула задвижка, обвисла смотровая щель. Шаги последовали дальше по коридору и через минуту стихли.

– Младочка, ты спишь? – прошептала Полина.

– Нет, – ответила Млада, – уснешь тут.

– А вот поспать тебе очень даже надо. У тебя завтра свидание. Понимаешь это, подруга? Ты должна хорошо выглядеть. Он тебя помнит ту еще, крашеную и свободную. А ты нынче, мягко говоря, мадам без макияжа. Младочка, постарайся уснуть. А я за тебя полежу-поволнуюсь. Ах, ко мне никто не ходит и гостинцев не несет!

Полина потешно закатила глаза и откинулась на подушку.

– Поля, а вдруг я расплачусь?

Полина нахмурилась.

– И ничего особенного. Плачь, Младочка. Чего он вообще приехал, на слезы твои глядеть, что ли?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.